

прося, однако, их действовать с предельной мягкостью...»

Эта лицемерная формулировка означала, что Жанна будет возведена на костер.

Некоторые члены суда считали, что девушке предварительно следовало бы снова прочесть акт отречения, дабы она лучше «осознала» всю тяжесть своего поступка.

Но епископ в страхе отверг этот проект.

Зная, что полный текст отречения не соответствует той бумажке, которую прошлый раз читали Жанне, он боялся, как бы девушка, заметив подлог, не подняла шума.

Публичное осуждение «еретички» было назначено на следующий день. Чтобы не затягивать дела, завтра же было решено огласить и привести в исполнение новый приговор.

Было около девяти часов утра, когда Жанну в последний раз вывели из тюрьмы. Ее посадили на телегу и медленно повезли по тесным извилистым улицам. Телегу сопровождал конвой из восьмидесяти английских солдат.

Девушка горько плакала. Теперь, когда смерть была так близка, она вдруг почувствовала весь ужас своего положения. Она страстно хотела жить: ей было всего девятнадцать лет... Особенно боялась она костра. Ей казалось, что более страшной казни не существует. Уж лучше бы ей отрубили голову, чем обращать в пепел ее молодое девичье тело.

Угасли последние надежды. Сейчас ничто ее не спасет. Великой победы, на которую она так уповала, не произошло. Несколько дней назад отряд храброго Потона Сентрайля почти пробился к Руану. Но силы годонов казались неистощимыми. Храбрецов-французов искрошили и рассеяли, а их полководца забрали в плен.

Итак, остается умереть, умереть страшной смертью. Перед этим еще придется вытерпеть очередную пытку: ее опять будут убеждать «заботиться